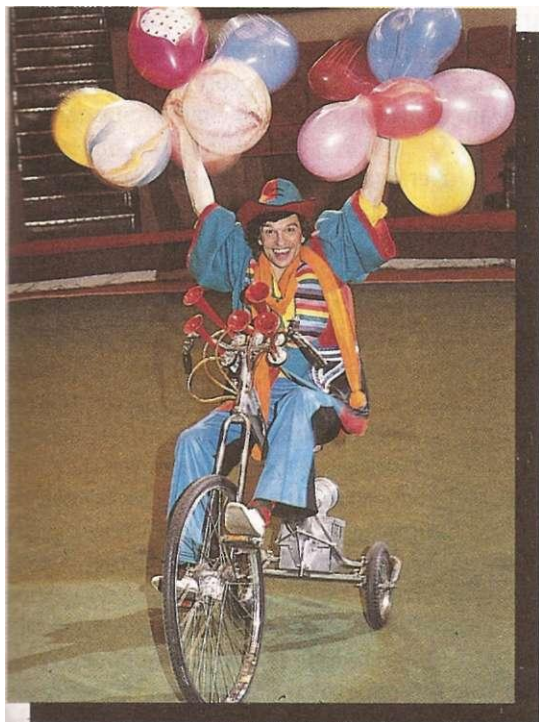

АНАТОЛИЙ МАРЧЕВСКИЙ

Анатолий Марчевский много думал о профессии клоуна. Он даже написал миниатюру о двух коверных, о разных путях в искусстве.

Как говорят в народе, «у каждого своя планида».

Своя «планида» есть у клоунов.

Один идет по широкой укатанной дороге. Ему дует попутный ветер, и светит солнце.

Другой идет по узкой извилистой тропинке. Ему дует встречный ветер, и дождь бьет в лицо.

Что поделаешь? У каждого своя дорога.

Первый идет быстро, уверенными шагами, легко дышит.

Второй идет медленно, от усталости еле передвигает ноги, порой ему не хватает дыхания.

Что поделаешь? У каждого своя походка.

Первому клоуну главное посмешить зрителей.

Второму главное — помечтать с ними.

Первый клоун радуется славе.

Второй — взаимопониманию.

Что поделаешь? У каждого свое счастье».

Марчевский прежде всего хотел быть самим собой. И в жизни, и на манеже. И говорил об этом во всех своих интервью. Он хотел делать умные репризы и был против того, когда клоун вызывает смех любой ценой.

Каждый артист рождается не на пустом месте. У каждого есть предшественники, которые дают толчок его собственной мысли, намечают путь, по которому дальше пойдет он. Леонид Енгибаров называл себя заочным учеником Чарли Чаплина.

Марчевский считал себя студентом-заочником Енгибарова и полностью разделял высказывание своего старшего коллеги о том, что клоунада — это не профессия, это мировоззрение, способ глядеть на мир, что «в цирке смех вдребезги разбивает серость, ординарность и скуку». Он прекрасно понимал, что вторым Енгибаровым быть нельзя, да и не нужно.

Анатолий выходил к зрителям их веселым, немного бесшабашным современником. Желтая маечка с цветочками. Брюки с бахромой. Косынка, небрежно повязанная на шее. Он был обаятелен и удачлив, неизменно добиваясь успеха во всех своих начинаниях, и сразу вызывал симпатии зала.

Все свои выходы он строил на трюках. Его называли жонглером, эквилибристом, музыкантом. Через трюки он поднимал большие темы добра и любви, вкладывая в каждую свою работу частицу души. Трюк — это язык цирка, который без переводчика понимают во всех странах. Марчевского тоже поняли и приняли. Он узнает об этом потом, во время своих зарубежных гастролей. А пока одинаково тщательно работал и над основательной репризой, и над самой маленькой, как говорят в цирке, «корючкой».

Он был виртуозом моноцикла. Еще у себя дома, в маленьком донбасском город-

ке, выступая в самодеятельности, учился ездить на одном колесе. И когда, уже после окончания циркового училища, выгнал моноцикл на манеж, получилась в самом деле забавная сценка. Его попытки при помощи униформистов оседлать непослушную машину были уморительны. Зал взахлеб смеялся над неудачником. А под конец, когда клоун непринужденно располагался в седле, как в кресле, ехал, накручивая ногами педали, и даже пускался на нем в пляс, и старые и малые от души хлопали в ладоши.

Он остроумно проводил футбольную игру в одни ворота. Объяснялся в любви микрофону, повязанному девичьей косынкой. Играл на скрипке-венике. И за всеми этими, внешне нехитрыми репризами не было мелкотемья. Каждая из них, вызывая смех, наводила людей на раздумья.

Марчевский долго бился, как сделать репризу с пятью катушками. Вроде бы все было предельно просто. Он мастерски стоял на этих металлических пустотелых цилиндрах. Но пусть так стоят эквилибристы. А он — клоун. И ему нужно делать что-то свое, клоунское. Может быть, нелепо падать, вызывая в зале веселое оживле-

ние? И он падал, делал вид, что ушибался, перевязывал себе бинтами то руку, то ногу, то голову. Наконец, все-таки становился на зыбкую пирамиду и торжественно срывал с себя все повязки. Но смех в зале звучал какой-то неуверенный, совсем не тот, которого он ждал. Лишь позже он понял, что белые бинты и у детей, и у взрослых вызывают совсем иные ассоциации, которые уже не загасить никаким счастливым финалом.

Он снова стал ломать голову над такими, казалось бы, простыми и в то же время такими зловердными катушками. И наконец, нашел ход. Клоун хотел пить. Очень хотел. Но ему говорили: сначала залезь на свои цилиндры, тогда и получишь воду как награду. А когда он забирался, оказывалось, что пить хотят и другие. Его доброе сердце никому не могло отказать. Когда же в стакане оставался его собственный глоток, на манеж выбегал мальчуган и вручал ему в подарок цветок. А ведь цветы без воды не могут...

Все эти годы он был на манеже самим собой, таким, каков он есть. Как-то один из зарубежных журналистов спросил его, почему он работает без грима. Клоун, не раздумывая ни секунды, ответил, что он не

гримируется потому, что мир и так уж слишком загримирован.

И вдруг в один прекрасный вечер Марчевского на манеже не узнали.

...Программа неоправданно долго задержалась в одном курортном городке. Наверное, все его жители успели перебыть в цирке не по одному разу. Дирекция с унынием взирала на опустевшие ряды. Сборы таяли как апрельский снег. И тогда Марчевский рискнул провести «Вечера смеха», на которых и решил себя попробовать в новом качестве.

Так, он впервые окунулся в буффонаду, которую до этого упорно отвергал. Буффонада в переводе с итальянского — шутство, паясничество. У клоуна-буфф — размалеванное лицо, утрированный костюм, волосы у него от испуга встают дыбом, из глаз фонтанами бьют слезы. Все его действия преувеличенно неправдоподобны и взрывчато смешны. На несколько вечеров Марчевский скрылся под маской Рыжего. И эти несколько вечеров сразу же привлекли многочисленных зрителей, а его самого заставили задуматься об открывшихся перед ним новых возможностях жанра. Для него это была целина, простор необъятных далей.

Он вдруг почувствовал, что цирковой Рыжий необходим и сейчас. Понял глубокую мудрость слов Карандаша о том, что клоуна люди должны узнавать издали. Он был уверен, что если бы какого-нибудь мальчишку, который ни разу в жизни не был в цирке и не видел коверных даже по телевидению, попросили бы нарисовать клоуна, он обязательно изобразил бы Рыжего. Это не случайно. Цирк для всех, и особенно для ребят, — вечный праздник, сказка наяву. И клоун — его нестареющий символ.

О себе он знал, что если даже выйдет на манеж в джинсах и футболке, то все-

таки будет таким же коверным, как и сейчас, и его будут так же принимать зрители. Но только кому нужна такая модернизация клоунского облика?

И он, засучив рукава, взялся за спектакль «Здравствуй, клоун!». В первом отделении «Бенефис Рыжего клоуна» был набор старых классических клоунад и шуточек, давно ушедших в прошлое. А во втором он освобождался от традиционной клоунской маски и работал в своей современной манере. Он считал, что два отделения подряд в одном ключе будут для публики все-таки тягостны.

Анкеты зрительского опроса были на редкость единодушны. «Очень хорошо, потому что в главной роли — клоун. Цирк без клоуна — это не цирк». «Все отлично. Привет Рыжему!». «Такого цирка в нашей «губернии» еще не было!».

Используя приемы буффонады, Анатолий Марчевский поставил для детей спектакль «Хрустальный башмачок» по мотивам сказки Шарля Перро, в котором он сыграл роль Мачехи. В «Хрустальном башмачке» немало интересных режиссерских находок. Каждый раз новых, потому что в разных городах в постановке появлялись

другие исполнители, которые, естественно, не расстаются со своими жанрами. Так, в Москве Золушка грациозно отправилась в королевский дворец на лошади. На балу появился повар — комический иллюзионист со своими длинноухими питомцами. Эквилибристы на першах великолепно и неожиданно вписались в спектакль как королевские герольды.

Марчевский любит экспериментировать. Сыграл главную роль в двухсерийном фильме «Клоун» по книге В.Драгунского. Поставил собственный спектакль. Стал директором цирка в Екатеринбурге, а это тоже эксперимент, тоже поиск.

